

РАЗВЕДКА БОЛЬШОГО ПУТИ

С ЧЕГО начинается знакомство с театром? Думается, что с афиши. И надо признать, что афиши Карачаево-Черкесского театра русской драмы оставляют благоприятное впечатление. Театр показал ставропольцам на гастролях пьесы Шекспира и Островского, Арбузова и Шортанова, комедии Макаёнка, Смирновой и Крайндель, пьесу Гинзбурга по роману Р. Тагора «Крушение». Репертуар интересный, свидетельствующий о стремлении коллектива уйти с мелководья на большие глубины классической и современной драматургии.

Главный разговор, который театр ведет со зрителем, — это человек, общечеловеческие идеалы. И в этом свете знаменателен спектакль «Отелло».

Образ Отелло в исполнении В. Епишина согрет большой внутренней правдой.

У В. Епишина Отелло, как писал Пушкин, «доверчив», человек с мудрой, светлой, но детской душой, поверивший в измену Дездемоны, потому что не мог не поверить другу, каковым считал Яго. Необычная простота и мягкость, подлинный драматизм и чувство меры отличают актерскую манеру В. Епишина. Может быть, режиссеру и актеру следует показать, как мнимая измена Дездемоны разрушает у Отелло веру в человечество. Тогда образ поднимется до большого философского и социального обобщения, станет еще более шекспировским.

«Единственный мой грех — любовь к тебе». Эти слова можно было бы поставить эпиграфом к роли Дездемоны, которую талантливо играет А. Гончарова. Актриса создает светлый, полный внутренней чистоты образ, без которого нельзя было бы понять Отелло. Дездемона любит и верит в силу своей любви до последней минуты.

Атмосфера эпохи достигается в спектакле благодаря постановке режиссера Е. Складорова, благодаря многим актерским удачам. Сценическая

О спектаклях Карачаево-Черкесского областного театра русской драмы

правда, непрерывное активное действие, чисто венецианская страстность — вот главное в работе О. Поповой (Эмилия). Сдержан и правдив С. Дудкин в роли Брабанцио, верный образ дожа создал В. Никаноров, сатирическими красками рисует Ф. Пилюгин своего героя — ничтожного дворянчика Родриго.

Я говорю об этом спектакле так много потому, что классика и, в частности, Шекспир являются той лакмусовой бумажкой, которой проверяются творческие возможности коллектива. «Отелло» убеждает зрителя в том, что театру под силу большие темы, по плечу те высокие задачи, которые ставит партия перед советским искусством.

...Как-то мне довелось услышать фразу, брошенную одним из ведущих работников краевого драматического театра:

— Островский? Помилуйте, да разве наш зритель пойдет на Островского?!

И пьесу великого русского драматурга, которую решили было ставить в Ставропольском театре так и не поставили.

Мне вспомнился этот разговор за несколько минут до начала спектакля «Последняя жертва». В этот душный летний вечер зал был переполнен. Студенты и рабочие, врачи и педагоги, «старые театралы», по их собственному признанию, «давненько не бывавшие в театре», и совсем молодой «пенсущенный» зритель — всех их привлекло сюда имя Островского.

И с первого мгновения, когда мы увидели в тесных стенах заброшенного дома Юлию Павловну — молодую вдову, до последней обреченной и горькой ее фразы: «Да, я умерла», в зале чувствовалось то напряженное внимание, о котором издавна мечтают актеры...

Значит ли это, что спектакль, поставленный режиссером П. Поддуб-

ным, свободен от недостатков? Отнюдь. Мне думается, что люди, любящие и знающие Островского, недоумевали, когда им показали пьесу без... третьего акта, важнейшего акта, в котором раскрывается волчья, хищническая сущность богатого купца Флора Прибыткова. Исполнитель этой роли С. Дудкин играет очень мягко, его Прибытков благороден, он любит Юлию и действительно по-своему желает ей добра. И вот если бы опущенный режиссером акт все-таки был, зритель бы понял, кто такой этот «добрый» купец, как он насквозь пропитан жестокостью и духом стяжательства и каково будет с ним Юлии.

Теперь же, несмотря на тонкую и психологически верную игру А. Гончаровой, несмотря на всю остроту и мастерство, с которым заслуженная артистка РСФСР Е. Измирова играет Глафиру Фирсовну, — жертвы в большом смысле, социальном и человеческом, не получилось. Уж не говоря о том, что совершенно непонятно, как могла Юлия беззаветно полюбить мелкого авантюриста или жалкого конторщика, каким изображает П. Буриличев светского фата Вадима Дульчина.

Такие режиссерские просчеты тем более удивляют, что мы видели удачную работу П. Поддубного — комедию «Четверо под одной крышей», где есть и слаженный ансамбль, и интересные находки постановщика, и яркие характеры. Весело, без малейшей претензии на назидательность, театр рассказывает, как бывает, когда хорошие люди замыкаются в своем мирке. И в этом спектакле зрителя порадовали А. Гончарова, Е. Измирова, С. Дудкин, Ф. Пилюгин. Их герои достоверны, наделены характерными чертами и совершенно не схожи с теми, кого мы видели в этом же исполнении в предыдущих и последующих спектаклях.

«Зритель приходит в театр развлекаться», — писал К. С. Станиславский. И всегда помня о волшебном влиянии искусства, утверждал: «С той же силой воздействия, с которой театр облагораживает зрителей, он может... служить пошлости и маленькой мещанской красности». Это мудрое предостережение вспоминается, когда думаешь о спектакле «Потерянный сын» по пьесе А. Арбузова. Чем руководствовались театр, главный режиссер Е. Складоров, когда решили ставить мелодраму Арбузова по старым «мелодраматическим» канонам? Пьеса, признанная неудачей драматурга, приобрела в спектакле новые недостатки. Главным из них — отсутствие жизненного конфликта при столкновении характеров.

Просчеты драматургов не сглаживаются, а обостряются, когда сталкиваются с яркой актерской индивидуальностью. Так случилось с ролью Петра в исполнении В. Епишина. Очевидно, актеру трудно и неудобно жить в тех рамках, куда его пытаются втиснуть драматург и постановщик.

Какой контраст с его же Левонимом Чмыхом в озорной комедии А. Макаёнка «Левониха на орбите»! Чувствуешь, что актеру свободно и просто в этом образе прижимистого, «себе на уме» мужичка, которому не стать серьезным препятствием на нашем пути, но над которым посмеяться не мешает.

«Левониха на орбите» не относится к числу удач театра, положительные герои пьесы лишены чувства юмора, а без него какой же может быть в комедийном спектакле положительный персонаж! Слишком «на серьезе» играет Лушку В. Василевская, слишком недалек (а не смешон) председатель райисполкома (Л. Раковский).

Театр ищет путей к современному прочтению драматургических произведений, к современному звучанию спектаклей. Характерна в этом отношении «Дочь Ганга». Действие романа Рабиндраната Тагора происходит в минувшем веке. И тем не менее сегодня в полную силу звучит главная тема — становление характера,

освобождение человеческой личности от «мертвых обычаев». «Дочь Ганга» — продолжение большого разговора о человеке, о его высоких устремлениях и праве на счастье. И снова покорила зрителей А. Гончарова. Ее Комола — дочь Индии, дочь своего народа — вырастает в героический образ.

Воплощение мудрости и духовной чистоты — такова Хемонкорн в исполнении Е. Измировой, правдива и мягка Л. Садовская (Хемноллини), полон достоинства и отцовской любви Оннода — И. Двинянин. Интересно оформление художника Н. Калининченка. Это, пожалуй, единственная постановка, где нет тяжелых, громоздких навильонов, а легкие выразительные детали, красочные костюмы, световые эффекты создают яркий зрительный образ спектакля. Жаль только, что действие подчас не совсем оправданно дробится на мелкие эпизоды, что музыкальное сопровождение порой не только не помогает, а мешает восприятию.

Театр, несомненно, вырос за последние два года, и сейчас к нему можно предъявить претензии по большому счету, без скидок.

Именно поэтому хотелось бы, чтобы здесь по-настоящему, вдумчиво подходили к актерским кадрам, избегали компромиссов и легких путей. Думается, что главному режиссеру Е. Складорову стоит попробовать в других «амплуа» такого актера, как А. Алексеев. То, что мы видели в его исполнении — Кассио («Отелло»), Ромеиш («Дочь Ганга»), — вызывает опасение, что актер будет повторяться, а не расти. Следует задуматься над творческой судьбой А. Руновского. Если его Яго приемлем, то Антон в «Потерянном сыне» — это совсем другой человек, которого нет в арбузовской пьесе.

Ставропольцы полюбили Черкесский театр и подружились с ним. Что же пожелать коллективу на прощание? Настоящего творческого беспокойства, суровой требовательности к себе. Вы вышли в разведку — большого пути вам, друзья!

М. САЕНКО.

Зам. редактора П. ДУБИНИН.